

«Я РАССКАЖУ ВАМ О ПРОГРЕССЕ...»

Власть имущие в Соединенных Штатах делают вид, будто им невдомек: отчего возмущены и разгневаны миллионы черных американцев, отчего каждое лето в США становится «долгим жарким летом» волнений и восстаний в негритянских гетто! Ведь Вашингтон, дескать,

неустанно печется о «прогрессе цветного населения». Негритянский актер и борец за свободу и мир Дик Грегори — гордость американской культуры — рассказывает, как выглядит в реальной жизни этот хваленый «прогресс» и что творится на душе негров США.

Мой друг включил магнитофон, и сперва я услышал гул многих голосов. Но вот голоса постепенно стихли, и кто-то объявил:

— Леди и джентльмены! Друзья! Слово имеет наш гость Дик Грегори.

Имя Ричарда Грегори, или просто Дика Грегори, хорошо известно американцам. Он — негритянский комический актер, талантливый и обаятельный. Сейчас — бывший комический актер. Бывший, потому что вот уже несколько лет Дик Грегори отдает всю свою энергию борьбе за гражданские права негров и за прекращение американской агрессии во Вьетнаме. Его и сейчас часто можно видеть на экранах телевизоров, но уже не в «шоу», не в веселых телевизионных обозрениях, а в выпусках последних известий. Вот он выступает на митинге обездоленных. Вот полицейские крутят ему руки. Вот Дик за тюремной решеткой. От Дика Грегори отвернулись театральные антрепренеры, но аудитория его неизмеримо расширилась. Он по-прежнему неистощим на шутки, но юмор его стал горьким. Грегори-комик стал Грегори-борцом. И виделся с ним в прошлом году осенью в штате Алабама. Он сказал тогда: «Мне противно забавлять анекдотами сытых. Мое место в рядах голодных».

Недавно его пригласили к себе студенты Йельского университета — одного из самых аристократических белых университетов Америки. Чтобы было смешнее, Грегори был приглашен на обед. Было это в середине 32-дневной голодовки актера, которую он объявил в знак протеста против агрессии США во Вьетнаме. Я не был в Йельском университете, когда он там выступал. Но один из

моих друзей дал мне прослушать магнитофонную запись его речи.

— Я пришел сюда, — начал свое выступление Грегори, — не для того, чтобы убедить вас. Я пришел, чтобы информировать вас. Не знаю, поймете ли вы меня. В конце концов мне это безразлично. Я пришел сюда не для того, чтоб просить вас сделать что-то для облегчения участи негров или что-то сделать для меня лично. Я просто хочу, чтобы вы поняли, что происходит в нашей стране.

По моему убеждению, проблема № 1, которая угрожает Америке, — это не проблема загрязнения воздуха, а проблема морального загрязнения. Давайте будем честными, хоть в этой аудитории, и признаемся, что Америка — расистская страна номер один. Не народ американский, а Америка, с ее социальным устройством, с ее официальной идеологией и официальной моралью. Эта расистская идеология и буржуазная мораль определяет и формирует американский образ жизни. Этот образ жизни привычен, как воздух, для одних и является повседневным кошмаром для других. Чтобы понять это, вам было бы полезно быть вместе со мной в те дни, когда на глубоком юге страны мы боролись за допуск негритянских детей в белые школы.

Белые родители угрожали: — Пусть только появятся эти черные около наших школ!

Нужно было преодолеть страх, показать, что мы не боимся. В конце концов, когда ты уговорил негритянскую семью отправить с тобой их ребенка в белую школу, ты считаешь это победой. Ты берешь шестилетнего малыша за руку, сажаешь его в машину и везешь к школе. Как ведут

себя дети, когда они впервые едут в школу? Болтают о своих играх и приятелях? А ты? Ты думаешь о том, что, может быть, через полчаса ты умрешь в глазах у этого малыша.

У школы тебя останавливает полицейский:

— Куда ты прешь, ниггер!?

Ты отвечаешь, что везешь ребенка в школу.

— Здесь нельзя останавливаться. Проваливай! — говорит полицейский.

И ты останавливаешь машину в нескольких кварталах и идешь

Дик Грегори после голодовки в знак протеста против грязной войны США во Вьетнаме. Фото из газеты «Интернэшнл геральд трибюн».

к толпе белых, которая молча ждет тебя у школы. О, какой это длинный путь! Как тяжело даются эти последние метры, потому что чувствуешь, как в твоей ладони дрожит рука примолкшего шестилетнего малыша. Ты чувствуешь, как потает твоя ладонь, потому что ты видишь лица ждущих

Оскорбительная кличка негров.

тебя людей, и ты уже знаешь, что сейчас произойдет.

Но первый удар наносят тебе не из толпы. Тебя бьют полицейские. Ты летишь от удара на асфальт, чувствуешь тяжесть ноги полицейского на твоей груди, видишь дуло карабина и слышишь шипение:

— Куда ты прешь, ниггер! Я выколочу мозги из твоей черной головы!

И тебе становится страшно. Да, тебе становится страшно.

Но через мгновение ты понимаешь, что это лишь всего-навсего твой черед умирать, и ты перестаешь бояться и даже успеваешь увидеть агента ФБР, делающего фотоснимки (которые никогда никому не понадобятся, вы знаете это так же хорошо, как и я). Ты перестаешь бояться смерти, но пугаешься еще сильнее от того, что не ощущаешь боль в своей ладони маленького доверчивой руки шестилетнего малыша. Ты поворачиваешь голову в поисках своего маленького друга как раз вовремя, чтобы увидеть, как обломок кирпича бьет его по лицу.

Не обижайтесь на меня, мои юные друзья в этой аудитории, если я скажу вам, что вы не знаете, что такое жизнь. Ваши головы полны историческими фактами и научными данными, но вы не узнаете, что такое жизнь, пока не увидите, как обломок кирпича, попавший в лицо шестилетнему ребенку, опрокидывает его на землю. Вам нужно видеть это, чтоб хоть что-нибудь понять. Вскочив на ноги, малыш бросается к толпе. Это его первая и естественная реакция. Он бежит под защиту взрослых. Но в ужасе отшатывается от них, когда они начинают кричать и плевать в его окровавленное лицо. И последнее, что вы успеете увидеть перед тем, как вас бросят в полицейский фургон, — это белую женщину, мать, которая с искаженным от ненависти лицом бьет зонтиком обезумевшего от ужаса шестилетнего негритянского ребенка.

Вот, господа, через что прошли и что впитали в себя Стокли

Кармайкл и Рэп Браун¹ в то время, как вы безмятежно и счастливо сидели в своих лилейно-белых классах. Если бы вы прошли через все это, я уверен, что половина из вас покочилась бы жизнью самоубийством, а другая половина вышла бы на улицы, чтобы перевернуть эту страну вверх дном и сжечь ее дотла...

— Теперь я расскажу вам о прогрессе, — продолжал Дик Грегори, — да, о прогрессе, о котором так любят хвалиться наши политиканы. У меня дома шестеро маленьких ребятишек. И каждый раз, когда мы ожидали прибавления семейства, я думал о прогрессе моего народа. Ведь еще сто лет тому назад негритянская женщина, почувствовавшая, что она носит под сердцем новую жизнь, становилась перед распятием Христа на колени и молила бога, чтобы ее ребенок родился калекой или уродом. Рядом с ней на колени становился ее муж, и они вместе страстно и долго молились:

— Всемогущий бог, сделай так, чтобы наш сын родился хромым или горбатым. Ведь если он родится здоровым, сильным и красивым, его отберут у нас и продадут другому хозяину. Милые девушки, сидящие в этой аудитории. Будущие матери, если у вас есть воображение, помолитесь вот так хоть раз только для того, чтобы понять, о чем я говорю.

А когда негритянская женщина становилась матерью, ее первыми словами первыми счастливыми словами, обращенными к отцу ее ребенка, были:

— Любимый, посмотри, всевышний вял нашим молитвам. Тебе не кажется, что у нашей малютки какая-то странная голова?

И они оба плакали от счастья, что их ребенок не будет продан в рабство чужому хозяину.

Так вот я сказал, что у нас шестеро детей и мы с женой ни разу не возносили молитв, чтобы они родились уродами или калеками. Вот и весь прогресс за последние сто лет!

Молодые лидеры негритянского движения,

Впрочем, я не прав. Есть прогресс и в других областях. Вы, наверное, читали в газетах, что автомобильный король Генри Форд недавно принял на работу шесть тысяч негров. Принял без обычных экзаменов. Вы знаете об этих экзаменах. В течение полувек а социологи всего мира писали, что благодаря этим китрым экзаменам Форд держит негритянских рабочих вдали от своих станков. И вдруг Форд отменяет экзамены! Почему? Да потому, что пламя негритянских мятежей лизнуло стены его завода.

Вы говорите о том, что мятежи — это ужасно. Но послушайте, в течение 25 лет американские либералы безуспешно боролись за отмену позорных дискриминационных экзаменов у Форда. Мятеж в Детройте длился всего лишь шесть дней. По тысяче рабочих мест для негров на каждый день мятежа. Десятки убитых и тысячи раненых для того, чтобы были приняты на работу шесть тысяч негров. Это ли не прогресс!

Если говорить об Америке в целом, она представляется мне в целом в виде бездушного испорченного автомата. Он, этот автомат, забирает вашу жизнь, но ничего не выдает вам взамен. С автоматом у вас не может быть никаких душевных общений. Вы можете просить его о чем-нибудь, умолять, стоять перед ним на коленях, но он вас не слышит. Не видит вас и не отвечает вам. Он остается автоматом и ничем больше.

Представьте себе, что вы в аэропорту ждете посадки на самолет. Вам хочется курить. Вы подходите к автомату, опускаете в него 40 центов, но он отказывается выдать вам сигареты. Вы идете к билетной кассе и жалуетесь:

— Послушайте, я опустил деньги в автомат, но он, оказывается, испорчен.

— Я ничем не могу вам помочь, — отвечает кассирша, — я ведь только продаю билеты.

— Что же мне делать? — спрашиваете вы.

— Там на автомате написано,

куда вам следует обратиться, — отвечает девушка.

Вы возвращаетесь к автомату и читаете: «Приветствуем вас в нашем чудесном городе! Чувствуйте здесь себя, как дома! Если у вас возникли проблемы с автоматом, обратитесь в компанию «Гиддингс Джонс», город Канзас-Сити, штат Миссури».

В это время вы слышите, как объявляют посадку на ваш самолет. Что вам остается делать с проклятым автоматом, который нагло ограбил вас? Только пнуть его ногой. Деньги он вам все равно не возвратит, но хоть какое-то удовлетворение от того, что вы пнули его, у вас появится.

Но теперь представьте себе, что это не вы пнули автомат, а он вас. И деньги забрал, и ударил вас железной ногой в живот. Тогда вам уже никуда не захочется лететь. У вас появится желание выволочь эту машину на улицу и разбить ее на мелкие кусочки.

Так вот я вам говорю, что Америка — бездушный, испорченный автомат. Мы бросили в него не 40 центов. О, нет! Мы бросили в него несколько веков нашей жизни, а взамен получили несчетные удары железной автоматической ноги. Мы тысячи раз обращались в кассу, жаловались на бездушие автомата, а нас то и дело отсылали к таинственной фирме «Гиддингс Джонс» в далеком городе Канзас-Сити.

Теперь нашему терпению пришел конец. Мы никуда не хотим лететь. Мы собираемся вытаскать этот проклятый автомат на улицу и разбить его на мелкие куски. Вот что мы собираемся сделать! И это будет прогрессом. Поверьте мне, это будет прогрессом!

Целая минута молчания. Крутятся диски, чуть слышно шелестит лента. Потом кто-то крикнул осуждающее: «Б-у-у!» Кто-то пронзительно засасал. Кто-то застучал ногами. И вдруг рухнул шквал аплодисментов. Минута... другая... пять минут оваций. Студенты Йельского университета стоя проваляли Дика Грегори. Он отказался от обеда. В те дни он объявил голодовку в знак протеста против американской войны во Вьетнаме.

Б. СТРЕЛЬНИКОВ.
(Соб. корр. «Правды»)
г. Вашингтон, май.